

Меню европейского театра

Ольга ФУКС

Фото предоставлены пресс-службой фестиваля NET

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, С АППЕТИТОМ ПОЕДАЮЩИЙ ЧТО-ТО СОВЕРШЕННО НЕСЪЕДОБНОЕ ИЗ ПЛАСТИКА ИЛИ БУМАГИ, СТАЛ ЭМБЛЕМОЙ ЗАВЕРШИВШЕГОСЯ В ДЕКАБРЕ ФЕСТИВАЛЯ NET. БЕСПОКОЙСТВО ЛИ ЭТО ЗА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ ИЛИ САМОИРОНИЯ — РЕШАТЬ ЗРИТЕЛЯМ, ВЕДЬ СПЕКТАКЛИ ФЕСТИВАЛЯ ВСЕГДА ПРОВОЦИРОВАЛИ ПУБЛИКУ НА ПОИСК СВОЕГО РЕШЕНИЯ, А ЗНАЧИТ, НА СОТВОРЧЕСТВО. «МИТ-ИНФО» — О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ СЦЕНЫ.

Manger

Manger, s'il vous plait

КТО

Борис Шармац, руководитель французского театра «Мюз де ла данс», артисты которого владеют самыми разными стилями современного танца. Его собственный стиль, который критики определяют как «не-танец», сам Борис предпочитает трактовать как расширение границ этого искусства.

ЧТО

Спектакль Manger («Есть»). Иногда идёт там, где и положено идти спектаклю, — на театральной сцене. Но на московском фестивале NET показали более экстремальный вариант — в одном из залов Artplay. Публика заполняет огромный белый ангар с низким потолком, вокруг — много знакомых, и на некоторых людей с белыми листками в руках поначалу не очень обращаешь внимание. За разговорами и променадом ты не понимаешь, когда пространство зазвучало — это запели люди с листками рисовой бумаги. Они поют Аллегретто из Седьмой симфонии Бетховена или весёлый джаз. Их тела извиваются и скручиваются в самых немислимых позах — поодиночке или в запутанном клубке контактной импровизации. И всё это они делают, не переставая поглощать листок за листком белую рисовую бумагу, поднятую с затоптанного пола. В этом действии можно увидеть метафору общества потребления, которое уже почти давится бесконечной и безвкусной жвачкой, а можно позволить названию остаться неким условным наименованием: надо же как-то обозначить этот странный «файл». Животная физиология переплетается с изощрённой техникой (танцовщики буквально топчут

друг друга и остаются невредимыми), в рефлекторное отторжение от вида поедания грязной бумаги с пола влетает космическая поступь бетховенской симфонии. Человек танцующий здесь — и червь, и Бог.

Зрителям можно всё: ходить по залу, сидеть на полу по-турецки, фотографировать. Испытываешь странное чувство — дарованная раскрепощённость переплетается с неясным чувством вины. Прекрасные, между прочим, ингредиенты, чтобы приготовить пищу для души и ума.

Гамлет — на ужин

КТО

Оливер Фрлич — хорватский режиссёр-радикал, руководитель Молодёжного театра в Загребе. Его спектакли собирают не только полные залы, но и акции протеста, в том числе и с участием футбольных фанатов, а на почту ему приходят письма с угрозами. В точном соответствии с поговоркой про пророков в своём отечестве, Оливер Фрлич, неудобный у себя на родине, давно стал желанным гостем в других европейских странах.

ЧТО

«Гамлет», радикальный не столько в политическом, сколько в эстетическом смысле. Он выстроен вокруг накрытого стола — брачного, похоронного, родового сборища, где еда — некая общая ценность, мера всех мер, ради которой оправдываются любые преступления. Поминный пирог на брачном столе — круговорот жизни и смерти. «Немым зрителям финала» отведена роль челяди — вокруг стола, но не за ним.

Едят мясо. Единственный, кого воротит от этого блюда, — худой, небритый, смолящий сигарету за сигаретой Гам-

«Гамлет»

«Земля»

лет (Крешимир Микич) в фартуке официанта. Скорбные лица и чёрные костюмы не оставляют сомнений – справляются поминки. Ничто не мешает им перерастать в оргию с плясками на столе, когда положенные для скорби минуты истекли, – и только взгляд Гамлета заставляет вернуться к лицемерному соблюдению приличий. Гамлет тут равен самому себе, остальные же персонажи вполне амбивалентны. Гертруда легко становится Офелией (Нина Виолич), Клавдий – Призраком (Сретен Мокрович), а тот же друг Гораций (Горан Богдан), призванный Шекспиром рассказать правду о Гамлете, в финале станет соучастником убийства друга – только так можно обезопасить себя. Не удивительно, что и сам текст, и порядок сцен, порубленные в крошку, кажутся подвохом, таят угрозу.

Этот Гамлет лишён выбора – быть или не быть. Зажатый соседями по мясному пиршеству, окружённый молчаливой толпой, задыхающийся от кровавых запахов (а других не будет – это помещение не проветрится, и выражение «Дания – тюрьма» становится не просто фигурой речи). Он только мешает всем, мешает кровавому, но давно устоявшемуся порядку, к которому как-то приспособились другие: своим немим укором, своим

отвращением, отказом от еды, непристойными выходками (так, Гамлет душил обезумевшую Офелию, не в силах позволить ей жить без разума). Общество приговаривает его к смерти: кто-то подержит руки, кто-то ловко перережет горло, а потом все обменяются кровавым рукопожатием.

И пусть ваши руки пока ещё чисты, вы все равно были свидетелями.

Vita brevis, ars longa

КТО

Габриэла Карризо – художник бельгийской компании Reering Tom («Подглядывающий»), которую она создала вместе с Франком Шартье, своим коллегой по работе у Алана Плателя. Современным танцем занимается с десяти лет.

ЧТО

Спектакль «Земля» создан в соавторстве с мюнхенским «Резиденцтеатром» на стыке хореографии, драмы, пантомимы, сюрреализма и психотерапии. Над зелёным ковром благословенной земли, по которой раскиданы тут и там хорошенькие домики и аккуратные деревца (что-то вроде огромного макета от немецкой железной дороги), занимается рассвет. Тарахтит вертолёт, луч прожектора падает на землю. Выходят взрослые и дети – и картинка «разламывается»: люди-великаны на маленькой земле выглядят угрозой природному раю, да и сами они явно чувствуют себя неуютно.

Сквозь идилию (возделывание земли) просвечивает идиотизм (великаны на коленях щиплют траву). На безмятежной земле пышным цветом расцветают страхи и фобии, и вот уже не за горами первая смерть, а за ней вторая, третья – одна нелепее другой. Вот нашли труп кошки, задушили гуся. Вот мужик гоняется с топором за девушкой, и та лишь случайно избегает смерти. Так же случайно тонет девочка – она приехала на пикник с родителями, которые... носят на плече огромный радиоприемник, как жители советских деревень образца 1970-х. А косуля покорно позволяет отрубить себе голову – она потом станет арт-объектом в музее. Да, именно в музее, ведь земля с лесом и домиками давно уже обнесена стеной, ландшафт с зелёной травой раздробился на пейзажи

в рамках. Но в нём появляется похоронная процессия с колоритным оркестриком и юной свежей покойницей, над которой рыдает незадачливый ухажёр. Пока была жива, он не смел к ней прикоснуться, теперь не может выпустить её из рук. Завершённая жизнь стала совершенной, культура подобрала мёртвое, нашла ему грамотный ракурс и освещение. В музейном зале копают могилу для покойницы-жизни.

А земля из-под лопаты летит свежая.

Весь Шекспир и фонарик

КТО

Дэвид Эспиноза – единственный из гостей нынешней программы, с которым публика NET уже успела познакомиться в прошлый раз. В его театре зрителям вторых и третьих рядов (а четвёртого чаще всего нет) выдают бинокли – иначе не разглядеть многонаселённые амбициозные спектакли Эспинозы. Его актёры, как правило, покупные или найденные у друзей среди разногохлама куколки и игрушки (как тут снова не вспомнить собирателей железнодорожных макетов). Одно из последних приобретений – матрёшка с Каддафи, Муссолини и Гитлером, купленная на Красной площади в Москве, «играет» в последнем спектакле. Оркестр – саундтреки из айфона, свет – пара фонариков. Вся труппа с декорациями обычно уместается в чемодан – огромный театр в масштабе 1:87. При таком раскладе Дэвиду Эспинозе не грозит никакой финансовый кризис: он всегда будет свободен в средствах.

ЧТО

«Много шума из ничего» на самом деле вмещает в себя несколько пьес Шекспира – и все они укладываются по времени в час с небольшим. Идея возникла из маленькой сувенирной книжечки «Шекспир в один присест».

Стол заставлен игрушечными фигурками так, будто от горящего материка отходит последний корабль, попытавшийся захватить всех. Автор и исполнитель своих постановок, Эспиноза даже не пытается сдвинуть их с места. Сюжет этого спектакля – квинтэссенция шекспировских пьес – движется с помощью фонарика, который то и дело выхватывает кого-нибудь из кукольной толпы. Луч света медленно плывёт мимо или ястребом кидается от фигурки к фигурке. В одной руке Эспиноза держит фонарик, в другой – айфон с работающей камерой: приключения луча передаются на экран в режиме online. Высвеченный персонаж из игрушечного ширпотреба, который, конечно же, к Шекспиру никакого отношения не имеет (всяческие Микки-Маусы, Шреки, Барби или Бэтмены, бабушкины фарфоровые ангелочки или «эротичные» красотки), отбрасывает тень, которая приходит в движение – и мы видим, как плывёт корабль, тайно встречаются влюблённые, убийца вонзает герою нож в спину... Фонарь движется – одни тени сжимаются, другие разрастаются до космических размеров, меняют обличья. Смешные растиражированные масскультом фигурки последнего века, попав под свет фонарика в руках режиссёра-демиурга, растворяются в шекспировском мареве вечности.

«Жизнь – только тень, она – актёр на сцене...»

«Много шума из ничего»

The Menu of the European Theatre

Olga Foux

Photos courtesy of the NET festival press service

A MAN, HEARTILY SCARFING DOWN SOME INEDIBLE PLASTIC THING, BECAME THE SYMBOL FOR THE SEVENTEENTH NET FESTIVAL. WHETHER IT'S CONCERN FOR OUR MODERN CONSUMER SOCIETY OR SELF-DEPRECATING HUMOR, IT'S UP TO THE SPECTATORS TO DECIDE: THE FESTIVAL'S PRODUCTIONS ALWAYS PUSHED ITS AUDIENCES TO SEARCH FOR THEIR OWN SOLUTIONS. ITI-INFO – ON NEW TRENDS OF THE EUROPEAN STAGE.

"The Land"

Manger, s'il vous plaît

WHO

Boris Charmatz, head of the French Musée de la danse theatre, whose artists have mastered all the various styles of contemporary dance. The critics have defined Charmatz's style as "non-dance", while Boris himself prefers to view it as expanding the boundaries of that form of art.

WHAT

Production of "Manger" ("To Eat"). Sometimes shown on theatre stage. But in Moscow they showed a more extreme version of the production – at the Artplay Design Centre. The audience fills up an enormous white hangar, there are many familiar faces around, and, at first, you don't really pay attention to people with white sheets of paper in their hands. Until you suddenly realize that the space around you started to sing – it's the people holding the sheets of rice paper. They are singing Allegretto from Beethoven's Seventh Symphony or lively jazz. Their bodies twist and coil in the most impossible of poses – alone or in a tangled ball of contact improvisation. All the while continuing to swallow sheet after sheet of the white rice paper picked up from the dirty floor. This action can be seen as a metaphor for the consumer society that is almost choking on an endless and tasteless gum, but the title can also be allowed to remain a code name of sorts. Animal physiology is intertwined with sophisticated technique (dancers are virtually trampling each other but remain unharmed), the cosmic footfalls of Beethoven's symphony are woven into the reflex rejection from watching the people eat dirty paper from

"Manger"

the floor. The person dancing here is both a worm and a God.

Audience members are allowed to do anything they want: walk around the audience hall, sit on the floor, take pictures. And this freedom that's been granted to them is intertwined with a vague feeling of guilt. All excellent ingredients, incidentally, for creating food for the heart and the mind.

Hamlet – for dinner

WHO

Oliver Frlić – a radical Croatian director, head of the Zagreb Youth Theatre. His productions attract not only full houses but protest actions as well, once that even the football fans take part in, and he receives threatening letters in the mail. Objectionable in his home country, Oliver Frlić has long become a welcome guest in other European countries.

WHAT

"Hamlet", radical in the aesthetic sense more than the political one. It is built around a table set for dinner – a family gathering celebrating a marriage and a funeral, where food is some common value, a measure of all measures, for whose sake they can be absolved of any crime. A funeral pie on a bridal table – a cycle of life and death. "Mute audience of the finale" is assigned the part of servants – sitting around the table, but not at it.

They are eating meat. The only one whose stomach is turning at the sight of that dish is Hamlet (Krešimir Mikić) – lean, unshaven and clad in a waiter's apron, chain-smoking cigarette after cigarette. Mournful faces and black suits leave no doubt that it is a wake. Nothing stops that from morphing into a table dancing orgy when the appropriate length of time for grieving has passed, and only a look from Hamlet forces everyone to return to a state of hypocritical decency. Hamlet here is only himself, while the other characters are rather ambivalent. Gertrude easily becomes Ophelia (Nina Viočić), Claudius – the Ghost (Sreten Mokrović), and friend Horatio (Goran Bogdan), called on by Shakespeare to tell the truth about Hamlet, will, in the finale, become an accomplice in his friend's murder – it is the only way for him to stay

"Hamlet"

safe. The text itself and the order of the scenes, chopped up into a hodgepodge, seem to be a trick, there's danger within them.

This Hamlet is not given the choice – to be or not to be. Cramped by his neighbors at this meat banquet, surrounded by a taciturn crowd, choking from the smell of blood (and there would be no other smells – this room cannot be aired out, and the expression “Denmark is a prison” becomes more than a figure of speech). He is in everyone's way, he interferes with the bloody but long-established order that the others have somehow adjusted to: with his silent reproach, his aversion, his refusal to eat, his obscene behaviors (thus, for instance, Hamlet strangles Ophelia when she had gone mad, incapable of allowing her to live after she loses her mind). The society condemns him to death: someone will hold his arms, someone else will deftly cut his throat, and then all of them will shake their bloodied hands.

And though your hands may still be clean, you were, nevertheless, witness to this.

Vita brevis, ars longa

WHO

Gabriela Carrizo – artistic director of the Belgian Peeping Tom Company that she created together with Franck Chartier, her colleague when she worked in Alain Platel's company. She has been doing contemporary dance since the age of ten.

WHAT

A production of “The Land”, co-authored with Munich's Residenztheater at the confluence of choreography, drama, pantomime, surrealism, and psychotherapy. Dawn is breaking over the green carpet of blessed earth, where pretty little houses and neat little trees are scattered about. A rumble of a helicopter is heard, a beam of a searchlight hits the ground. Adults and children pile out – and here the pretty picture “breaks apart”: on this tiny earth giant people seem like a threat to the natural paradise, and they themselves clearly feel ill at ease.

The idyll (cultivation of the land) is pierced through with idiocy (giants standing on their knees, plucking grass).

Fears and phobias bloom in splendid colors in a peaceful land, and soon the first death is on the horizon, and it is followed by a second, and a third – each one more absurd than the other. In one scene, they find a cat's cadaver and strangle a goose. In another, a man chases after a young woman with an axe, and it is only by chance that the latter escapes with her life. It is also by chance that a young girl drowns – she came out on a picnic with her parents, who... walk around with a huge radio set on their shoulders like residents of Soviet villages circa 1970s. And a roe deer meekly allows its head to be chopped off – it will then become an art object in a museum. Yes, precisely in a museum, because the land with the forest and the little houses has long since been walled in, the scenery with the green grass has been broken up into framed landscapes. But now there appears a funeral procession with a colorful little orchestra and a freshly deceased young woman, wept over by her ill-starred boyfriend. He didn't dare touch her while she was alive, and now he cannot let go of her. A terminated life became ideal, culture picked up the dead, found a proper angle and lighting for it. In a museum hall they are digging a grave for the deceased, for life.

And fresh dirt flies from the shovel.

All of Shakespeare and a flashlight

WHO

David Espinosa, already familiar to the festival audience. In his theatre, audience members sitting in the second and third rows (the fourth row for the most part doesn't even exist) are given opera glasses – otherwise they are unable to see the details of Espinosa's populous ambitious productions. His actors are, generally, little dolls and toys that he bought or found among his friends' various junk. One of his latest acquisitions – a nesting doll with Gaddafi, Mussolini and Hitler that he purchased in Moscow on the Red Square – is “performing” in his latest production. The orchestra is provided by soundtracks from an iPhone, the lighting – by a couple of flashlights. The entire company with all the sets can usually fit inside a single suitcase – a giant theatre in a 1:87 scale. At that rate David Espinosa need not worry about any

financial crisis: he will always have freedom of means.

WHAT

“Much Ado About Nothing” incorporates several of Shakespeare's plays, and all of them fit into a little over an hour of performance time. The idea came about from a small souvenir book titled “Shakespeare in One Sitting”.

A table is littered with toy figurines; it's as if the last ship is shoving off a burning continent, trying to rescue everyone from there. Espinosa, author and performer of his productions, does not even try to move them. The plot in this production – this quintessence of Shakespeare's plays – is moved along with the help of a flashlight that picks out one figurine or another from the toy crowd. In one hand Espinosa holds a flashlight, in another – an iPhone with a running camera: the adventures of the flashlight's beam are transferred to the screen in online mode. A spotlighted character from the mass-produced toy goods that, of course, have nothing to do with Shakespeare (various Mickey Mouses, Shreks, Barbie dolls and Batmans, grandmother's porcelain angels and “erotic” beauties) casts a shadow that becomes alive – and we see a ship sailing, a pair of lovers meeting in secret, a murderer plunging a knife into the protagonist's back... The flashlight moves – some shadows shrink, others expand to cosmic dimensions, change their appearances. The ridiculous last century's figurines disseminated by mass culture get caught in the beam of the flashlight held by the demiurge director and dissipate in the Shakespearean haze of eternity.

“Life's but a walking shadow, a poor player...”

"Much Ado About Nothing"